

В.С. Соболев

ПРАЗДНОВАНИЕ 200-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ М.В. ЛОМОНОСОВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

К началу XX в. празднование юбилеев, связанных с жизнью и деятельностью выдающихся представителей культуры и науки, стало в Академии наук традиционным. Руководство Академии считало важным этот род деятельности, так как достигались достаточно значимые результаты. Появлялась еще одна возможность отразить преемственность в развитии науки, показать ее значение в жизни общества, привлечь внимание государственной власти к насущным потребностям образования и науки, отдать дань уважения и памяти своим замечательным предшественникам.

Поэтому не был случайностью тот факт, что подготовку к празднованию 200-летнего юбилея М.В. Ломоносова руководство Академии наук начало заблаговременно, за два года до памятной даты.

Решение начать подготовку к юбилею было принято на Общем собрании Академии наук 11 октября 1909 г. Для этой цели была создана комиссия, получившая следующее название: «Комиссия по вопросу о праздновании 200-летнего юбилея дня рождения Ломоносова» (далее — «Комиссия»). Председателем был избран Непременный секретарь Академии наук академик С.Ф. Ольденбург, в состав вошли академики Н.Н. Бекетов, Б.Б. Голицын, В.И. Вернадский от Отделения физико-математических наук и академики В.И. Ламанский, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов от Отделения русского языка и словесности¹. За два года деятельности состав «Комиссии» неоднократно из-

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее СПФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1а. Д. 156. Л. 35 об.

менялся, в частности в нее вошли химик Б.Н. Меншуткин и историк литературы Б.Л. Модзалевский.

«Комиссия» за недолгий период существования провела большую научно-организационную работу. Достаточно сказать о том, что в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится отдельный фонд этой «Комиссии» (№ 57), в состав которого вошло 495 дел, отражающих во всех деталях ход подготовки и проведения юбилея.

Прежде всего, «Комиссией» была организована работа по выявлению и, по возможности, получению в распоряжение Академии наук документальных материалов, связанных с жизнью и деятельностью М.В. Ломоносова. Соответствующие запросы были направлены в десятки архивов и библиотек, как России, так и зарубежных стран. В результате этой деятельности в Академию наук поступил большой объем ценных материалов, которые впоследствии вошли в состав документов Архива РАН. Например, из Архива Архангельского губернского правления был получен ряд документов по истории рода Ломоносовых: «Дело об освобождении от рекрутства потомства Ломоносова», «Список рода Ломоносовых», «Дело о том, что И.Ф. Лопаткин является внуком Ломоносова» и др.

Одним из самых значительных событий юбилейных торжеств стало открытие грандиозной для своего времени историко-художественной выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». В Академии наук была образована особая комиссия «по ее устройству». Председателем комиссии стал Непременный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург, «комиссаром выставки» — известный искусствовед барон Н.Н. Врангель, а художником-оформителем — Е.Е. Лансере.

В феврале 1911 г. в газете «Правительственный вестник» была опубликована информация о том, что «Государь Император всемилостивейшее соизволил принять выставку «Ломоносов и Елизаветинское время» под Высочайшее свое покровительство»¹.

Этот организационно-административный аспект во многом обеспечил успех данного предприятия, так как «Высочайшее покровительство» обязывало все государственные учреждения беспрекословно представлять на выставку любые предметы, признанные для нее необходимыми.

Кроме того, выставочной комиссии удалось развернуть активную деятельность по получению для выставки памятников из богатейших тогда в России частных собраний. Интересные сведения об этом мы нашли в воспоминаниях В.А. Рышкова, который являлся в то время чиновни-

¹ Правительственный вестник. 1911. № 27. 4 февр.

ком особых поручений в Академии наук и непосредственно организовывал работу по получению необходимых для выставки памятников — экспонатов¹.

В.А. Рышков, в частности, написал в своих мемуарах о том, что известный московский предприниматель А.В. Морозов передал для выставки интересные гравюры с изображением императрицы Елизаветы и М.В. Ломоносова, ценные предметы из серебра, фарфора и стекла. Текстильный фабрикант Д.Г. Бурылин — грамоту императрицы Елизаветы о пожаловании М.В. Ломоносову дворянства, золоченую чернильницу в виде глобуса, несколько ценных ларцов. Графиня Н.М. Сологуб из Москвы — редкое собрание детских игрушек елизаветинского времени. Известный коллекционер А.А. Бахрушин — портрет М.В. Ломоносова, вырезанный на кости.

Ценные экспонаты для выставки были получены и от общественных организаций. Так, руководитель «Общества любителей древней письменности» граф С.Д. Шереметев в своем письме от 18 мая 1911 г. сообщал президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу о том, что общество предоставляет для выставки «подлинную рукопись путешествия П.И. Челищева по северу России»².

Выставка была развернута в залах Императорской Академии художеств и открыта для посещения с 17 апреля по 21 июня 1912 г., ее посетило более 20 тыс. чел.³

В преддверье юбилея руководством Академии наук было принято решение активизировать деятельность научного сообщества по изучению жизни и деятельности великого ученого. Для этой цели было решено организовать под эгидой самой Академии несколько конкурсов на лучшие научные работы по данной тематике. На Общем собрании Академии наук, состоявшемся 6 февраля 1910 г., были утверждены темы таких работ на конкурс 1911 г., на соискание престижной академической «Премии имени тайного советника М.Н. Ахматова». Все три Отделения Академии наук предложили для конкурса темы по своим научным дисциплинам⁴.

Мы позволим себе перечислить названия всех тем, предложенных Академией наук на конкурс научных работ 1911 г., так как это, на наш

¹ Рышков В.А. Воспоминания незаметного человека // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 251–252.

² СПФ АРАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 88.

³ Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время»: Путеводитель / Сост. Б.Л. Модзалевский, Ф.А. Витберг и др. СПб., 1912.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.

взгляд, дает достаточно ясное представление о тех приоритетах, которые существовали в то время в академическом научном сообществе, а также о степени актуальности той или иной проблематики.

Итак, Общим собранием Академии наук были утверждены следующие конкурсные темы.

I. Отделение физико-математических наук

Общая тема: «Ломоносов как провозвестник современных течений в области физико-химических наук».

Частные темы:

- 1) «По метеорологии и атмосферному электричеству».
- 2) «По вопросу о силе тяжести».
- 3) «По мореходству».
- 4) «Оценка работ Ломоносова по новым инструментам и приборам».

II. Отделение русского языка и словесности

- 1) «Словарь научного и литературного языка Ломоносова».
- 2) «Труды Ломоносова по русскому языку».
- 4) «Поэтические произведения Ломоносова и их отношения к западно-европейским образцам».

III. Историко-филологическое Отделение

1) «М.В. Ломоносов — Императорской Санкт-Петербургской Академии наук профессор» (изучить деятельность М.В. Ломоносова в Академии наук, а также в состоявших при ней учреждениях (особенно в Географическом департаменте, университете и гимназии); определить значение этой деятельности для истории русского просвещения).

Через несколько месяцев Академией наук был объявлен еще один конкурс научных работ, приуроченный к юбилею. В кадетской газете «Речь» от 21 мая 1910 г. сообщалось следующее: «В виду исполняющегося 8 ноября 1911 г. 200-летия со дня рождения великого русского ученого М.В. Ломоносова Императорская Академия наук доводит до всеобщего сведения, что при Академии наук существуют премии за ученое жизнеописание Ломоносова»¹.

В рамках данного конкурса была учреждена одна «Большая» премия в 2000 руб. «За ученое жизнеописание Ломоносова с оценкой его деятельности» и четыре «Малых» премии по 500 руб. каждая о следующих направлениях деятельности ученого:

¹ От Академии наук // Речь. 1910. № 137. 21 мая.

- физика и химия;
- минералогия, геология, металлургия;
- философия и словесность;
- география, статистика, политическая экономия и русская история.

Следует отметить, что премирование по обоим вышеупомянутым конкурсам осуществлялось не из сумм бюджетных ассигнований самой Академии наук, а только за счет средств, предоставляемых меценатами, в частном порядке.

В ходе подготовки юбилея Академией наук были предприняты попытки осуществить несколько научно-издательских проектов. Прежде всего, были сделаны попытки продолжить начатое в 1891 г. академиком М.И. Сухомлиновым собрание сочинений М.В. Ломоносова (М.И. Сухомлинову удалось подготовить и издать до своей смерти, последовавшей в 1901 г., только пять томов). В связи с юбилеем были начаты работы над шестым томом. Так, в типографии Морского министерства было осуществлено «изготовление гравюр, с медных досок, с изображением зарисованного Ломоносовым Северного сияния». По этому поводу президентом Академии наук великим князем Константином Константиновичем 5 февраля 1911 г. было направлено письмо начальнику Главного Гидрографического управления Морского министерства А.И. Вилькицкому с «выражением искренней признательности за содействие делу издания сочинений Ломоносова»¹.

Однако крайне скромные финансовые возможности Академии наук не позволили осуществить все замыслы. Удалось опубликовать две книги: работу Б.Н. Меншуткина «Михаил Васильевич Ломоносов. Жизнеописание» (СПб., 1911) и сборник научных статей о жизни и деятельности ученого — «Ломоносовский сборник» (СПб., 1911). Причем книга Б.Н. Меншуткина была напечатана небывалым для подобных изданий тиражом в 80 тыс. экземпляров и была приобретена многими учебными заведениями империи.

Подготовка к юбилею была ознаменована и еще одним важным начинанием Академии наук, призванным служить делу увековечивания памяти о великом ученом. Общее собрание Академии наук, проходившее 5 декабря 1909 г., согласилось с предложением «Комиссии» «о постановке памятника Ломоносову в Санкт-Петербурге на линии между Императорской Академией наук и Императорским Санкт-Петербургским университетом»².

¹ СПФ АРАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

² Там же. Д. 1. Л. 84.

Вполне понятно, что средств для осуществления данного предложения у Академии наук не было. В связи с этим и в соответствии с решением Общего собрания президент Академии наук великий князь Константин Константинович 24 января 1910 г. направил министру народного просвещения А.Н. Шварцу письмо, в котором просил его «об испрошении всемилостивейшего Государя Императора соизволения Академии наук открыть повсеместный сбор пожертвований на памятник»¹. (По существовавшему тогда порядку право «испрашивать» что-либо у императора имели чиновники ранга не ниже министра, в порядке своих «всеподданнейших докладов».)

Несколько опережая ход нашего повествования, отметим, что решение вопроса о получении этого «всемилоостивейшего соизволения» затянулось на полтора года и положительное свое решение получило только в июне 1911 г.

С достаточной долей объективности можно предположить, что верховная власть была вынуждена искусственно сдерживать количество выдаваемых «патентов» на право сбора пожертвований, как бы «дозировать» этот процесс. Видимо, число благих намерений в области культуры, просвещения и здравоохранения в России было велико, а бюджетных ассигнований на эти цели выделялось мало. В то же время частыми сборами пожертвований можно было дискредитировать эту идею, и собирать средства становилось бы с каждым разом все труднее и труднее.

Во всяком случае, только 6 июня 1911 г. новый министр народного просвещения Л.А. Кассо сообщил великому князю Константину Константиновичу о том, что Государь Император «в 25 день минувшего мая Всемилоостивейше соизволил разрешить Императорской Академии наук открыть всероссийский сбор добровольных пожертвований на сооружение памятника Ломоносову»².

Заметим, что данное «соизволение» было в этот раз получено по «всеподданнейшему» докладу не министра народного просвещения, а министра внутренних дел П.А. Столыпина. Видимо, великому князю Константину Константиновичу для положительного решения вопроса пришлось применить «оружие более крупного калибра», и он обратился за помощью к П.А. Столыпину, который в это время занимал и высокий пост Председателя Совета министров.

Между тем в Санкт-Петербурге развернулась оживленная дискуссия по вопросу о месте установки будущего памятника. По существовавшему тогда бюрократическому порядку ходатайство Академии наук по

¹ СПФ АРАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 84 об.

² Там же. Д. 2. Л. 142.

этому вопросу было направлено Петербургскому градоначальнику, тот обратился с этим к Городскому Голове с тем, чтобы вопрос был вынесен на обсуждение в заседании Городской думы. Вопрос на заседание Думы начал готовить ее исполнительный орган — Городская управа. Она, в свою очередь, «истребовала» заключение одной из своих комиссий — «Комиссии по народному просвещению».

В заключении думской комиссии, представленном в апреле 1910 г., по этому поводу было сказано следующее: «Находим более уместным поставить таковой памятник на набережной реки Невы за тротуаром, так же как памятник адмиралу Крузенштерну»¹. (Напомним, что Общее собрание Академии наук 5 декабря 1909 г. избрало место для будущего памятника «на линии между Академией наук и университетом»).

Любопытно, что свою позицию думская комиссия обосновала тем, что еще 19 декабря 1907 г. Городская дума приняла постановление о том, что «на площади перед Санкт-Петербургским университетом предположено поставить памятник профессору Д.И. Менделееву, на что Городской думой ассигновано 25 000 руб., и с Высочайшего соизволения открыт повсеместный сбор пожертвований на него»².

Через несколько месяцев позиция Городской думы по этому вопросу несколько изменилась. В связи с этим Министерство народного просвещения 23 января 1911 г. сообщило Президенту Академии наук о том, что Дума «признала наиболее соответственным избрать местом постановки памятника середину Университетской линии при соединении ее с набережной реки Невы»³.

Однако к этому времени уже изменилось и мнение самой Академии наук. 2 февраля 1911 г. академическая «Комиссия» единогласно решила просить Городскую думу о разрешении «воздвигнуть памятник Ломоносову не в начале Университетской линии — месте узком и неудобном для такой цели — а против фасада главного здания Академии наук, лицом к ней, на набережной, причем возможно, для расширения места, сделать гранитный выступ в самую реку Неву»⁴.

Рамки настоящей статьи не позволяют продолжить изложение истории этого вопроса, но можно отметить, что в 1986 г. к 275-летию юбилею М.В. Ломоносова памятник, наконец, был воздвигнут на месте, определенном последним решением Городской думы: «на середине Университетской линии, при соединении ее с набережной реки Невы».

¹ СПФ АРАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 164 об.

² Там же.

³ Там же. Д. 2. Л. 33.

⁴ Там же.

Как уже упоминалось, организация и проведение юбилейных торжеств в Академии наук было одним из способов привлечь внимание государственной власти к наиболее насущным потребностям развития науки. Данное обстоятельство нашло отражение в одном из значительных начинаний, зародившемся в процессе подготовки юбилея — мы имеем в виду идею создания «Ломоносовского института».

Эта идея имела свою историю. В начале подготовки юбилея академическая «Комиссия» письменно обратилась к российским научным обществам, университетам, учреждениям культуры с просьбой представить свои предложения по проведению празднования. Из целого ряда мест подобные предложения поступили, их тексты хранятся ныне в архивном фонде «Комиссии».

Одно из таких предложений сразу же получило положительную оценку и поддержку руководства Академии наук. Это было предложение Совета Варшавского университета о создании научного учреждения нового типа — «Ломоносовского института». Авторами идеи являлись профессор В.В. Курилов и архитектор А.И. Яблонский. При этом предусматривалась организация научно-исследовательского института «по изучению физико-химических наук». Авторы идеи ссылались на передовой опыт в этом плане, имевшийся в Германии, где уже был реализован замысел Александра Гумбольдта по созданию подобного института, который получал финансирование за счет фонда императора Вильгельма II.

24 ноября 1910 г. на заседании физико-математического Отделения Академии наук академик Б.Б. Голицын доложил своим коллегам о том, что они вместе с Непременным секретарем Академии наук С.Ф. Ольденбургем «минувшим летом осмотрели ряд пустопорожних мест в Санкт-Петербурге с целью найти подходящий участок для сооружения здания Ломоносовского института, но все участки оказались не подходящими для указанного назначения»¹. На заседании было решено «продолжить поиски».

В конце декабря 1910 г. газета «Новое время» опубликовала статью автора проекта профессора В.В. Курилова. В ней, в частности, говорилось следующее: «Нельзя забывать, что в Германии, где университетов втрое больше, где лаборатории лучше оборудованы, чем у нас, тем не менее и там признана необходимой организация учреждений подобных Ломоносовскому институту»².

В газете приводились и конкретные данные о стоимости «Варшавского проекта»:

¹ СПФ АРАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 248.

² Курилов В.В. Ломоносовский институт // Новое время. 1910. 30 дек.

- постройка института — 330 000 руб.;
- стоимость оборудования — 100 000 руб.;
- содержание штатной численности — 100 000 руб. в год (директор, два помощника, два лаборанта и 30 «практикантов»).

Руководители Академии наук продолжали работать над воплощением этого проекта в жизнь. С.Ф. Ольденбург в одном из своих писем, направленных летом 1911 г. великому князю Константину Константиновичу, докладывал ему следующее: «Мы ведем переговоры с Думою относительно места для Ломоносовского института, записку о котором позволю себе приложить»¹.

Центральным моментом упомянутой С.Ф. Ольденбургом «Записки» была просьба ученых к императору Николаю II «принять под Свою Высокую руку новое научное начинание» (т.е. взять организацию Института под свое покровительство).

Уже после проведения юбилейных торжеств 14 марта 1912 г. император Николай II в Царском Селе принял депутацию Академии наук по этому вопросу. В состав депутации входили Непременный секретарь С.Ф. Ольденбург, академики Б.Б. Голицын, Ф.Н. Чернышов и П.И. Вальден. В ходе аудиенции С.Ф. Ольденбург прочитал императору академическую «Записку». В ответ на это император сказал, что «придает большое значение мысли о новом исследовательском институте и охотно примет Ломоносовский институт под свое покровительство»². Ученые доложили, что «наиболее подходящим местом для института был бы участок Старого Гостиного Двора, рядом с местом, уже отведенным под будущее библиотечное здание». Император «вполне одобрил» и это мнение ученых и повелел, чтобы «весь вопрос об институте прошел установленным порядком»³. Скорость решения подобных вопросов в России «установленным порядком» была медленной, поэтому начавшаяся мировая война помешала осуществиться этому замыслу.

Но усилия Академии наук по организации Ломоносовского института не прошли даром и несколько позже принесли плоды. Видимо, сама идея создания исследовательских институтов к этому времени уже вполне «овладела умами» российского научного сообщества. На второй год войны в составе Академии наук была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Отделы этой комиссии и стали основой организации ряда институтов. В 1918 г. были ор-

¹ СПФ АРАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 130–130 об.

² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 14 об.

³ Там же. Л. 15.

ганизованы Институт физико-математического анализа и Институт по изучению платины и других благородных металлов, в 1921 г. — Физико-математический институт, в 1925 г. — Почвенный институт.

Ряд серьезных замыслов и начинаний, связанных с Ломоносовским юбилеем, Академии наук осуществить не удалось. Главной причиной подобного положения дел, на наш взгляд, были крайне ограниченные финансовые возможности Академии.

Постараемся подтвердить данное наблюдение соответствующим фактическим материалом. Так, на заседании Общего собрания Академии наук 4 декабря 1910 г. Непременный секретарь С.Ф. Ольденбург огласил финансовый отчет юбилейной «Комиссии». В нем речь шла всего о двухстах рублях, которые были потрачены на решение следующих задач:

- составление научной библиографии;
- подготовительные работы по устройству выставки «Ломоносов и Елизаветинское время»;
- оплата изготовленных копий архивных документов.

С.Ф. Ольденбург попросил «ассигновать еще 100 рублей для работ «Комиссии». Собранием было положено: «Сообщить об этом в Правление Академии наук»¹.

О другом примере мы позволим себе рассказать более подробно, так как он дает совершенно ясное представление о сути этой проблемы.

В данном случае речь шла о 1500 рублях, необходимых для издания книги Б.Н. Меншуткина «М.В. Ломоносов. Жизнеописание». Академия наук неоднократно обращалась в Министерство народного просвещения с просьбой выделить деньги для этой цели.

В первый раз министерство отказало в этой просьбе своим письмом от 9 июня 1911 г., где говорилось «о неимении средств на этот предмет»².

На повторную просьбу Академии наук был получен ответ от 23 июня 1911 г., подписанный самим министром Л.А. Кассо. В нем было сказано следующее: «Рассмотрев Ваше ходатайство об отпуске пособия в 1500 рублей на издание биографии Ломоносова, имею честь уведомить, что я не нахожу возможным оказать таковое за неимением средств на этот предмет»³.

В третий раз Л.А. Кассо отказал своим письмом от 23 сентября 1911 г., сославшись «на полное отсутствие ресурсов», при этом министр

¹ СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 259.

² Там же. Д. 2. Л. 122.

³ Там же. Л. 144.

предложил Академии наук сначала произвести оплату расходов из своих средств, а уже потом «возместить таковые за счет продажи издания»¹.

Здесь мы не удержались от желания особо отметить эту замечательную сентенцию большого чиновника, показывающую, насколько традиционны и системны в России чиновничьи «чаяния» о самоокупаемости науки и вообще о приоритете «прикладных научных исследований».

Причем Академией наук уже были получены с мест и обобщены сведения о том, что учебные заведения страны хотели бы получить для своих библиотек 40 тыс. экземпляров книги Б.Н. Меншуткина. Академия наук, верная своим давним просвещенческим традициям, считала, что в связи с юбилеем было бы вполне оправданным бесплатно разослать весь тираж книги по учебным заведениям России. Но главный организатор просвещения в империи имел на этот счет другое мнение.

Положение с изданием книги Б.Н. Меншуткина становилось критическим, так как юбилейные торжества уже приближались. 8 сентября 1911 г. этот вопрос опять обсуждался на Общем собрании Академии наук. С.Ф. Ольденбург доложил собранию о том, что Министерство народного просвещения уже четырежды отказало выделить деньги на издание книги. Финансовые возможности Академии позволяли напечатать только 1 тыс. экземпляров.

Далее Непременный секретарь проинформировал собрание о том, что книгоиздатель В.В. Нордгейм просит Академию разрешить ему издать книгу необходимым тиражом с тем, чтобы возместить свои расходы после его реализации². Собранием было принято решение «представить В.В. Нордгейму выпустить в свет книгу в количестве экземпляров по его усмотрению».

В самые короткие сроки В.В. Нордгейм напечатал 40 тыс. экземпляров книги, потом повторил выпуск этого тиража, причем все книги были распроданы.

Руководители Академии ответственно подошли и к вопросу подготовки проведения самих торжеств, продумывались вопросы о составе их участников, месте проведения, тематика докладов и пр.

23 мая 1911 г. на заседании «Комиссии» было принято специальное постановление по этому вопросу. В нем, в частности, говорилось следующее: «Торжественное публичное собрание Императорской Академии наук провести 8 ноября, <...> испросить согласие Государя Императора присутствовать на нем»³.

¹ СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 200–200 об.

² Там же. Л. 231.

³ Там же. Л. 93–93 об.

На этом же заседании было решено просить поэта К.Р. (президента Академии наук) подготовить текст праздничной кантаты, а музыку к ней просить написать композитора А.К. Глазунова.

В этот же день было принято решение о приглашении на торжества иностранных ученых и представителей иностранных Академий и научных обществ.

11 июня 1911 г. С.Ф. Ольденбург направил великому князю Константину Константиновичу разработанный «Комиссией» 23 мая 1911 г. «проект порядка чествования на благовоззрение Вашего Высочества». Внимательное прочтение этого письма вызвало у нас некоторое замешательство в трактовке одного из важных вопросов. В протоколе заседания «Комиссии», проходившего под председательством С.Ф. Ольденбурга, несколько раз было совершенно конкретно указано на участие в торжествах иностранных ученых. Однако в своем письме к президенту, написанном всего через две недели после заседания «Комиссии», он высказал по этому вопросу совсем другое мнение: «Что касается приглашения иностранцев, то лично я бы думал, что времени остается мало и известность Ломоносова в тесном круге специалистов пока еще не велика; поэтому лучше, может быть, было бы ограничиться приглашением русских ученых и просветительных учреждений»¹. Президент Академии наук на полях письма напротив этих слов написал: «Согласен».

С известной долей объективности можно предположить, что у этой проблемы были причины финансового порядка. Руководители Академии наук хорошо понимали, что приглашение иностранных коллег требует довольно значительных расходов, что денег на эти цели в Академии нет и что источник финансирования изыскать не удастся. Наверное, было не просто разъяснить ученым — членам «Комиссии» истинную суть данного обстоятельства, кроме того, следовало соблюдать «правила игры», но обманывать друг друга Непременному секретарю и президенту не имело никакого смысла.

Заметим, что на полях письма напротив текста о кантате поэт К.Р. написал следующее: «Весьма польщен. Постараюсь, но обещать не могу»².

Правда, автором музыки стал не А.К. Глазунов, а А.С. Танеев, который не являлся профессиональным композитором, а в это время занимал заметный в системе государственной власти пост Главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

¹ СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 130–130 об.

² Там же.

Торжественное собрание решено было проводить в прекрасном зале Дворянского собрания. Губернский предводитель дворянства князь М. Салтыков в своем письме от 1 сентября 1911 г. сообщил великому князю Константину Константиновичу о «полной готовности предоставить зал для Торжественного заседания»¹.

8 ноября 1911 г. великий князь Константин Константинович открыл Торжественное собрание Академии наук. После исполнения кантаты «были произнесены четыре речи»:

- профессора Б.Н. Меншуткина «Ломоносов как естествоиспытатель»;
- академика А.И. Соболевского «Ломоносов в истории Русского языка»;
- академика П.И. Вальдена «Ломоносов как химик»;
- профессора В.В. Сиповского «Литературная деятельность Ломоносова».

Празднование Ломоносовского юбилея в 1911 г. в очередной раз со всей убедительностью продемонстрировало, что Академия наук является признанным общероссийским центром культуры и науки.

Приведем только некоторые данные о том, насколько высок был уровень представительства участников Торжественного собрания. Так, 28 октября 1911 г. председатель Государственного совета М.Г. Акимов сообщил руководителям Академии, что на собрание придут 27 членов этого высшего органа государственной власти и управления², в том числе вице-председатель Государственного совета И.Я. Голубев, адмирал А.А. Бирилёв, князь А.Н. Лобанов-Ростовский, генерал от инфантерии А.А. Фрезе и другие.

29 октября 1911 г. председатель Государственной думы М.В. Родзянко также сообщил Академии, что в торжестве примут участие 27 членов Государственной думы³. Среди них были товарищи председателя Думы князь В.М. Волконской и М.Я. Капустин, секретарь Думы И.П. Созонович и другие.

По распоряжению церковных властей во всех церквях Санкт-Петербурга 7 ноября 1911 г. была «совершена заупокойная литургия и панихида по в Бозе почившему М.В. Ломоносову, с произнесением соответствующих поучений»⁴.

¹ СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 170.

² Там же. Л. 307–308.

³ Там же. Л. 317.

⁴ Там же. Л. 329.

В заключение можно сделать вывод о том, что достаточно объемный комплекс документов, отложившихся в фонде юбилейной «Комиссии», сам по себе является ценным и интересным собранием источников по истории отечественной культуры и науки начала XX в. и, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем изучении и введении в научный оборот.

